

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2022.11245

EDN: KMTHRN

Поэтика *genius loci* в повести В. Пулькина «Добрая Поветерь»

Н. Л. Шилова¹ ✉, А. О. Лисков²

^{1,2} *Петрозаводский государственный университет
(г. Петрозаводск, Российская Федерация)*

¹ e-mail: natalia.l.shilova@gmail.com ✉

² e-mail: liskov2000@bk.ru

Аннотация. Литературное творчество В. И. Пулькина (1941–2008) было тесно связано с «легендами местности» (термин Н. П. Анциферова), в данном случае — Карелии и Русского Севера. Созданию сказов, очерков и повестей чаще всего предшествовали экспедиции в сотрудничестве с известным фольклористом Н. А. Криничной (1938–2019). Интеграция местных фольклорных сюжетов в авторский литературный текст ярко проявила себя в биографической повести «Добрая поветерь» (1984), посвященной сказителю М. Коргуеву и его родине — поморскому селу Кереть. В статье впервые с привлечением архивных документов уточняется творческая история повести, рассматриваются ее источники, нарративная структура, хронотоп. На повесть В. Пулькина сильное влияние оказал не только жанр сказки, но и исторического предания: жизненный путь Коргуева рассказан от лица его дочери, фоном к биографии сказочника выступает история села Кереть, переданная в устных воспоминаниях его жителей. Концепция «художественной истории» Русского Севера В. Пулькина созвучна размышлениям Н. П. Анциферова и А. А. Ухтомского о синтезе «были» и «мифа» в фольклорных и литературных репрезентациях местности, специфике и значении литературного краеведения.

Ключевые слова: *genius loci*, хронотоп, жанр, сказ, сказка, историческое предание, М. Коргуев, В. Пулькин, Н. Анциферов, этнопоэтика

Благодарность. Исследование было проведено в рамках реализации Программы поддержки НИОКР студентов и аспирантов ПетрГУ, финансируемой Правительством Республики Карелия.

Для цитирования: Шилова Н. Л., Лисков А. О. Поэтика *genius loci* в повести В. Пулькина «Добрая Поветерь» // Проблемы исторической поэтики. 2022. Т. 20. № 3. С. 274–293. DOI: 10.15393/j9.art.2022.11245. EDN: KMTHRN

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2022.11245

EDN: KMTHRN

Poetics of Genius Loci in Victor Pulkin's Short Novel (Povest') "Dobraya Poveter" ("The Good Wind")

Natalia L. Shilova¹ ✉, Arseniy O. Liskov²

^{1,2} *Petrozavodsk State University*
(*Petrozavodsk, Russian Federation*)

¹ e-mail: natalia.l.shilova@gmail.com ✉

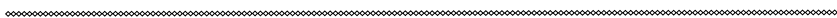
² e-mail: liskov2000@bk.ru

Abstract. Literary work of V. I. Pulkin (1941–2008) was closely connected with the “local legends” (a term coined by N. P. Antsiferov) of Karelia and the Russian North. The creation of tales, essays and short novels was most often preceded by expeditions in collaboration with the famous folklorist N. A. Krinichnaya (1938–2019). The integration of local folklore plots into the author's literary text is clearly manifested in the biographical short novel “Dobraya Poveter” (“The Good Wind”) (1984), dedicated to the storyteller M. Korguev and his homeland, the Pomeranian village of Keret. The article for the first time clarifies the creative history of the short novel, discusses its sources, narrative structure and chronotope using archival documents. It establishes that the short novel of V. Pulkin is strongly influenced by both the fairy tale and historical legend genres: Korguev's life path is described from his daughter's perspective; the background to the storyteller's biography is the story of the village of Keret transmitted in the oral memoirs of its inhabitants. The concept of “artistic history” of the Russian North (V. Pulkin's term) is in sync with N. P. Antsiferov's and A. A. Ukhtomsky's reflections on the synthesis of “true story” and “myth” in folklore and literary representations of the area, the specifics and significance of literary local history.

Keywords: genius loci, chronotope, genre, tale, fairy tale, historical legend, Korguev, Pulkin, Antsiferov, ethnopoetics

Acknowledgments. The research described in this publication was conducted as part of the R&D Support Program for Undergraduate and Graduate Students of PetrSU funded by the Government of the Republic of Karelia.

For citation: Shilova N. L., Liskov A. O. Poetics of Genius Loci in Victor Pulkin's Short Novel (Povest') “Dobraya Poveter” (“The Good Wind”). In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*], 2022, vol. 20, no. 3, pp. 274–293. DOI: 10.15393/j9.art.2022.11245. EDN: KMTHRN (In Russ.)

Понятие *genius loci* в последние десятилетия стало одним из частотных в исследованиях локальных текстов. Для нас в первую очередь важно его исходное значение «духа места» как метафоры сложных отношений между пространственным (материальным) и творческим (духовным), между местностью и ее культурными репрезентациями. Именно в таком значении оборот возник и стал употребляться в античности: «Культ гения места был частью более широкой системы архаичных религиозных и мифологических представлений, в рамках которых одушевлялись и обожествлялись различные географические локусы (водные источники, реки, горные вершины и перевалы, горы в целом, перекрестки дорог, священные рощи), часто становившиеся *культовыми местами*» [Замятин: 155]. В основу концепции легло представление о том, что «место формировало свою эстетику, влияя на проживающих в нем; место во взаимоотношениях с человеком могло быть благотворным или губительным; место диктовало определенный кодекс поведения и т. д. В литературе и искусстве место может быть вымышленным или совпадать с реальным географическим топосом — однако во всех случаях оно провоцирует развитие литературного сюжета» [*Genius loci* в литературе, искусстве, культуре: 6].

В известной работе Н. П. Анциферова «Душа Петербурга», закрепившей этот термин в отечественной гуманитаристике, *genius loci* соотносится и с особенной атмосферой места в целом («воплощение божества местности — это “сам город, сама местность, как она есть в действительности”» [Анциферов, 1922: 19–20]), и с его отдельными символическими атрибутами (ср. «Медный Всадник — это *genius loci* Петербурга» [Анциферов, 1922: 27]). Со временем, трансформируясь в научный термин, понятие *genius loci*, переведенное как «гений места», пережило семантический сдвиг: слово *genius* стало соотноситься с творцами мифа или текста о местности — с писателями, художниками, музыкантами и проч., сформировавшими своими произведениями узнаваемый образ той или иной территории, прославившими ее. Именно в таком значении оборот закрепился в популярной культуре — в травелогах, путеводителях,

эссеистике, документальных сериалах о путешествиях и т. п. (см., напр.: [Вайль]).

В случае с предметом нашего исследования — повестью Виктора Пулькина «Добрая поветерь» — продуктивными оказываются оба толкования понятия *genius loci*. В равной степени значимы здесь и образ места действия, старинное поморское село Кереть, и главный герой, широко прославивший в первой половине XX в. свою малую родину — легендарный сказочник Матвей Михайлович Коргуев (1883–1943).

Деревня Кереть, не однажды отмеченная в карельской этнографии и фольклористике, обнаруживает богатую историю, насчитывающую более шестисот лет. Будучи важнейшим торговым узлом на пути из Швеции в Поморье, Кереть упоминается в ряде исторических источников — например, в «Записках о Московии» Генриха фон Штадена (сер. XVI в.), памятнике древнерусской литературы — «Житии Варлаама Керетского», сложенном во второй половине XVII в., позднейших экспедиционных отчетах петербургских академиков Луи Делиля де ла Кройера (1730-е гг.), Ивана Ивановича Лепёхина (1772). Кроме того, в начале XIX столетия Кереть посетил финский писатель, фольклорист и собиратель рун карело-финского эпоса «Калевала» Элиас Лённрот, зафиксировавший записи о своем визите в путевых заметках. В настоящее время Кереть оставлена жителями и числится «упраздненной». Процесс «умирания» деревни стал очевидным уже в эпоху «застоя» и в годы перестройки, когда керетский колхоз переживал упадок, рыболовный промысел понемногу сошел на нет, масштабный лесозавод прекратил работу.

Биографическая повесть В. И. Пулькина о Коргуеве была опубликована в 1983 г. в журнальном варианте. В 1984 г. полный текст вошел в сборник В. И. Пулькина «Подаренье», включивший, кроме повести о Коргуеве, авторские очерки и пересказы северных преданий¹. Когда-то Юрий Казаков в знаменитом очерке о Паустовском «Поедемте в Лопшеньгу» писал:

¹ Пулькин В. И. Подаренье: предания, очерки, повесть. Петрозаводск: Карелия, 1984. 240 с. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием страницы в круглых скобках.

«...страсть к литературному труду всю жизнь боролась в нем со страстью к путешествиям»².

Такой же страстью и той же пространственной писательской оптикой обладал и Виктор Пулькин — в «Подареньи», например, все тексты так или иначе связаны с локациями Русского Севера: Кижами, Соловками, Керетью. Топонимы («Шижня», «Шуерецкое», «Сумпосад» и т. д.) в серии очерков «Море — наше поле» даже вынесены в подзаголовки, формируя пространственный тип не только внутренней, но и внешней композиции текста.

Известно, что многие сюжеты книг Пулькина складывались на основе личных впечатлений, полученных в многочисленных путешествиях. Один из первых исследователей прозы В. Пулькина Ю. И. Дюжев отмечал, что «предания, записанные им совместно с фольклористкой Н. Криничной в экспедициях» 1969–1985 гг., а также материалы иных собирателей составили «основное содержание» многих книг писателя [Дюжев: 206]. Фольклорные экспедиции как источник некоторых своих сюжетов называл и сам Виктор Пулькин. Например, в авторском предисловии к циклу очерков о поморах «Море — наше поле»:

«По берегу Белого моря от Кеми до Нюхчи (этот берег издавна называется Поморским — в отличие от Летнего, Онежского, Карельского, Терского, Мурманского, Зимнего) мы шли от села к селу, от дома к дому в поисках преданий — памятников художественной истории Поморья» (53).

Сам текст очерков при этом повторяет публикацию дневников беломорской экспедиции Н. А. Криничной и В. И. Пулькина, вышедшую в 1977 г. в журнале «Север» [Криничная, Пулькин]. Отдельные черты взаимодействия собранных фольклорных сюжетов и их авторской обработки рассматривались ранее в научных публикациях о прозе Пулькина, но не специально, а в контексте исследования иных тем, фрагментарно (см.: [Петров], [Шилова]). Концепция «художественной истории» Русского Севера, реализованная писателем в его книгах, еще ждет своих исследователей. Интересна она может быть в том

² Казаков Ю. Поедемте в Лопшеньгу // Казаков Ю. П. Собр. соч.: в 3 т. М., 2011. Т. 3: Вечерний звон. С. 203.

числе с точки зрения этнопоэтики как дисциплины, устанавливающей и описывающей «в категориях поэтики то специфическое, что делает национальную литературу национальной» [Захаров: 7]. В настоящей статье мы рассмотрим особенности хронотопа, жанровой природы и нарративной структуры повести «Добрая поветерь», обращая внимание на тот образ Керети, который возникает в авторском повествовании, а также на сюжетобразующую роль пространственных мотивов.

В начале «Доброй поветери» автор сообщает:

«Работая над повестью, я встречался с людьми, лично знавшими М. М. Коргуева. Известные ученые, писатели, художники, старые поморы вспоминали славного сказочника — и возрождалось тепло, некогда вложенное в души людей тружеником и поэтом моря. <...> С дочерней нежностью и искренностью поведала мне об отце младшая дочь сказочника — Анна Матвеевна Тютюник-Коргуева» (148).

О личном посещении писателем Керети в опубликованном тексте повести ничего не сказано. Возможно, поэтому исследователь и издатель сказок Коргуева фольклорист КарНЦ РАН Татьяна Сенькина отметила, что в основу «Доброй поветери» «легла переписка писателя с младшей дочерью М. М. Коргуева Анной Матвеевной Тютюник-Коргуевой» [Сенькина: 83]. Переписка такая, вероятно, действительно, велась, хотя сегодня этих писем нет в известных нам научных и частных архивах.

Комментарий Т. Сенькиной к творческой истории «Доброй поветери» следует уточнить. Документальную основу повествования в «Доброй поветери» составили работа с архивными документами, общение с дочерью Коргуева Анной Матвеевной и личные впечатления от поездки в Кереть. О работе с архивными материалами свидетельствует хранящееся в личном деле писателя ходатайство Председателя правления Союза писателей КАССР Н. Гиппиева с просьбой предоставить В. И. Пулькину допуск к документам Центрального архива КАССР «по теме: “Литературное движение в Карелии 30–40 лет” в связи с подготовкой к 100-летию юбилею Коргуева и работой “над повестью об этом известном сказителе”»³. О личных контактах

³ Национальный архив Республики Карелия. Фонд Р 2923. Опись 4. Дело 23. Л. 24.

с Анной Тютюник-Коргуевой также сохранились свидетельства. Внук Матвея Коргуева, Сергей Владимирович Тютюник, живущий сейчас в Чупе, подтвердил в личной беседе, что В. И. Пулькин приезжал в Чупу и общался там с Анной Матвеевной, дочерью сказителя, неоднократно — и в 1970-х, и в начале 1980-х гг. (ориентировочно 1982–1983 гг.). В 1980-х гг. Анна Матвеевна не раз бывала в Петрозаводске, где беседы продолжились. Участницей этих бесед была, по всей видимости, и Неонила Артемовна Криничная. Ср. в ее предисловии к сборнику сказок «Серебряный корабль»:

«Дочь Матвея Михайловича, Анна Матвеевна, вспоминает в беседе с нами...» (курсив наш. — Н. Ш., А. Л.)⁴.

В качестве информанта Анна Матвеевна упомянута и в фольклорном исследовании Н. Криничной «Крестьянин и природная среда в свете мифологии». Запись от нее была сделана 2 ноября 1989 г. в Петрозаводске [Криничная, 2011: 483].

О том, что во время написания повести Виктор Пулькин лично побывал в Керети, свидетельствует авторское указание в финале машинописи из архива редакции журнала «Север»: «Кереть, Петрозаводск, Ленинград, Бухара. 1983 год»⁵. Рассказ о путешествии Виктора Пулькина в Чупу и Кереть опущен в «Доброй поветери», но есть в другом его тексте — «поморском сказании» «Лазоревы дельнички» (2004), вошедшем в позднейший цикл сказов «Северная Фиваида». История святого Варлаама Керетского предваряется в нем следующей преамбулой:

«Бродят по травянистому угору наезжие из недаленой Чупы промысловые и гораздые рыбаки-старики. Они и приютили меня в прибрежной “тонево́й” избушке, срубленной наскоро в рубиновых по осени рябинушках. Указали, где ближний родничок сладкой воды: “Но утром, когда гимн по радио играют, на ключ не ходи! Аккурат об эту пору туда приходит медведица с медвежатами. Московские новости передадут — иди, тогда безопасно!”. Выслушав жизнерадостного московского диктора, беру

⁴ Серебряный корабль: сказки Матвея Коргуева / лит. пересказ В. Пулькина / сост. и авт. биогр. очерка Н. А. Криничная. Петрозаводск: Карелия, 1988. С. 19.

⁵ Национальный архив Республики Карелия. Фонд Р 3261. Опись 1. Дело 127/659. Л. 142.

коромысло с ведрами, пробираюсь меж рябин. В колоннаде сосен — погост, на пирамидках с крестами и звездами — имена. Одно из встреченных на погосте имен — Матвей Михайлович Коргуев (1883–1943), всемирно известный сказочник»⁶.

Керетский ландшафт в этом фрагменте воспроизведен с документальной точностью — керетчане и сегодня берут воду из родника, находящегося недалеко от кладбища «на бору».

В то же время в «Доброй поветери», как и в других книгах В. Пулькина, ярко выражено авторское начало, творчески осложняющее и балансирующее документальность. Художественная ткань «Доброй поветери» с точки зрения соотношения достоверной фактографии, личных впечатлений автора, опоры на «чужое слово» и литературного вымысла интересна, поскольку близка к тому, что А. А. Ухтомский и Н. П. Анциферов называли «легендой» или «идеей» местности, имея в виду сложный синтез «мифа» и «были» в культурном освоении пространства [Федоров: 66–67]. Этот синтез ярко проявил себя в хронотопе «Доброй поветери». Это и легенды в самом прямом жанровом смысле слова — например, упоминание легенды о святом Варлааме Керетском, а также легенда о том, что во время блокады Ленинграда Матвей Коргуев чудесным образом помогал ленинградцам (236–237), и местный фольклор, и устные рассказы местных жителей о старой Керети.

Место и время событий наделены здесь исключительным значением. Образное ядро «повести о сказочнике» закономерно составляет фигура Матвея Коргуева. Но его путь представлен в необычном ракурсе, дан глазами младшего поколения — его детей. С обращения к братьям и сестрам начинается рассказанная Анной история:

«...Если бы ко мне обратились раньше! А теперь прошло столько лет. Может, сестра Александра лучше расскажет о нашем отце? <...> Может, брат Андрей расскажет об отце подробнее?» (148–149).

О его жизни повествуется нелинейно, воспоминаниям об отце сопутствуют сказочные сюжеты, подчас тесно, до неразличения, сливаясь с историческими реалиями и фактами биогра-

⁶ Пулькин В. И. Лазоревы дельнички (поморское сказание) // Природа и человек (Свет). 2004. № 5. С. 64.

фии сказителя: жизнь и сказка в сознании рассказчицы неотчуждаемы одна от другой. Этот принцип «слияния воедино сказки и жизни, сказителя и его творчества», по словам Е. М. Неёлова, «является центральным в повести, он определяет собой все повествование» [Неёлов: 14].

Слово Матвея Коргуева входит в текст повести главным образом через систему цитат из его сказок. Главное место среди них отдано сказке «Виноград Виноградович». Она многократно процитирована, ее мотивы вынесены в качестве параллели в рассказ о судьбе Коргуева (первая глава, рассказывающая о жизни поморов, названа, как один из персонажей сказки «Виноград Виноградович», — «Посол из моря»). Цитация сказки в повести не совпадает полностью ни с оригинальным записанным от Коргуева текстом⁷, ни с позднейшим литературным пересказом в сборнике «Серебряный корабль»⁸, представляя собой, таким образом, самостоятельный свободный пересказ сюжета. В этой вариативности В. Пулькин как бы наследует самому герою своей повести — Матвеем Коргуеву, фольклорное творчество которого было по определению вариативно, как и всякий устный рассказ. Главенствует же в повествовании слово Анны Матвеевны, и событиям ее жизни уделено значительное внимание. В этом проявилась своего рода «фольклористская» писательская манера Виктора Пулькина — фиксация слова собеседника в максимальной для литературного текста полноте. Такая писательская стратегия близка к той модели, которую Н. П. Анциферов считал продуктивной в литературном краеведении: «Характеризуя определенный край, описывая его жителей, часто приводя их имена, автор, хотя бы и беллетрист, должен взять на себя определенные обязательства: подчинить свое творчество научной правдивости» [Анциферов, 2013: 91].

«Добрую поветерь» можно рассматривать как своего рода мост между поколениями. С одной стороны, это поколение ровесников Коргуева — сам сказочник, фольклористы первой

⁷ Сказки Карельского Беломорья / под общ. ред. М. К. Азадовского [и др.]; записи и коммент. А. Н. Нечаева; ст. о языке М. Коргуева и словарн. пояснен. Б. А. Ларина. Петрозаводск: Карельское государственное издательство, 1939. Т. 1. Сказки М. М. Коргуева. Кн. 2. С. 77–103.

⁸ Серебряный корабль. С. 29–44.

половины XX в., записавшие и сохранившие его слово (Александр Николаевич Нечаев), литераторы, с которыми Коргуев встречался в Ленинграде (Алексей Толстой, Александр Прокофьев) и т. д., с другой — следующее поколение, к которому принадлежат сам автор повести, дети Коргуева и новое поколение фольклористов, приезжающих в Кереть. Так, о беседах с Н. Ф. Онегиной рассказывает в начале повести Анна Матвеевна:

«Приезжала к нам женщина из Петрозаводска, Нина Федоровна. “Матвей Михайлович был сказочник, всему миру известный, — говорит. — Он и русские былины пел, и карельские руны. А какие песни любил — не записали мы, фольклористы. Вспомните, Анна Матвеевна”. И я спела несколько отцовских песен» (148–149).

Мост этот переброшен и дальше, к будущим поколениям, для которых автор и совершает свою работу, записывая слово Анны Матвеевны об отце. Цель ее — сохранить и передать память о том прошлом, которое создали предки.

Память — категория, которая связывает воедино несколько нарративных линий повести — историю, рассказанную Анной Матвеевной, встроенные в нее сказки Коргуева и другие фольклорные элементы. Не случайно, один из первых исследователей, откликнувшихся на появление «Доброй поветери», Е. М. Неёлов определил ее как «воспоминание о сказке»: «Вот он, этот точно найденный писателем угол зрения: речь пойдет даже не о самом Коргуеве и его сказках, а о том, что запомнилось, что сохранилось навсегда в памяти маленькой Анюты, заморожено слушавшей некогда сказки отца» [Неёлов: 14].

Опора на мотив памяти как на сюжетообразующий находит свое обоснование в самой биографии Коргуева. Как и другие сказители, он был неграмотным, но славился необычно развитой памятью. А. Нечаев так рассказывал о Коргуеве:

«Память у Матвея Михайловича прямо таки изумительная. Записав от него одну из лубочных сказок, кажется о Францель-Венциане, я был поражен близостью варианта к книжному тексту.

Зная, что Коргуев неграмотен, спрашиваю его:

— Сколько раз и давно ли ты слышал эту сказку, и кто ее тебе читал?

— Слышал эту сказку на работах по подвеске телеграфного провода. Читали один раз вслух. Было это в 1904 году, в мае месяце. Помню, дождик шел с утра, не работали. Небольшая книжка с картинкой, — кажется, сто восемь листиков всего...»⁹.

История жизни сказочника вписана в историю Керети, где тот родился, жил, где был похоронен, и в историю семьи, рода. В этом смысле повесть наследует жанру исторического предания об основании населенного пункта. Наиболее удачно сформулировала жанровую дефиницию преданий Н. А. Криничная: «Предания — это устные прозаические произведения, которые своей исторической основой и реалиями связаны с социально-общественной жизнью и историей определенной, локально и социально ограниченной общности (род, соседская община, деревня, город, профессиональное объединение), представленной на той или иной стадии общественного развития, а по своей структуре соотносятся с мифом о тотемном предке, давшем в процессе эволюции многочисленные “разветвления”, “отпочкования”, модификации и производные от них образования» [Криничная, 1991: 3]. Характерная особенность, отличающая жанр исторического предания («неисторических» преданий не существует) от других жанров исторической прозы, заключается в локальности событий: «...объектом изображения в предании оказываются события *местной истории* (курсив наш. — Н. Ш., А. Л.). Первоначально предания призваны были сохранить историю конкретного рода, затем — соседской общины, впоследствии — историю определенного селения, местности» [Криничная, 1987: 10]. Предание всегда конкретно локализовано, привязано к однажды определенной и константной местности: «“Локальная замкнутость” преданий особенно очевидна при сопоставлении с былинами или историческими песнями, которые изображают события общерусской значимости и имеют широкое распространение»¹⁰.

⁹ Нечаев А. Сказки М. Коргуева // Беломорские сказки, рассказанные М. М. Коргуевым. М.: Советский писатель, 1938. С. 3–4.

¹⁰ Северные предания (Беломорско-Обонежский регион) / изд. подгот. Н. А. Криничная. Л.: Наука, 1978. С. 15.

Уже в первой части повести зачин рассказа Анны Тютюник-Коргуевой о родном селе выполнен в привычной для предания форме:

«А теперь я расскажу вам про Кереть!»

Село наше старинное. Говорят, пришли сюда наши прадеды еще до времен Марфы Посадницы. Не семьсот ли лет тому? Старики керетски помнили: наш далекий прадедам прадед звался Прокопий Борисов, пришел из Новгорода, тут распоселился. Пошли у него дочки да сыночки, стали быть да слыть — Коргуевы. В Керети, почитай, посела Коргуевых» (157).

Ср. аналогичные зачины предания Беломорско-Обонежского региона:

«Расскажу я про нашу деревню Алмозеро. Была, значит, маленькая деревнюшечка. Она распоселилась...»¹¹; «На тех местах, где находится наша деревня, в былые времена, лет триста тому назад, жили в своих землянках лапландцы, они невод запускали в воду, рыбу на Верхнем озере ловили, где ряпушки было очень много»¹²; «Наша деревня населена приймаками. Предки мои были не знаю каки... может, хохлы какие-нибудь: не хотели в солдаты идти, ушли от Петра, шведа забоялись. Взяли свои топоры, пилами опоясались — да и...»¹³.

Рассказ Анны о заселения края лапидарен и конкретен. Заселение Керетского края происходило, судя по всему, в начале XVI в.:

«Вот пришли они сюда, вольные новгородцы. А зимы в те веки случались лютые, с тех пор таких и не упомнят. Им, преждебывшим старикам, дико и непривычно: здесь ведь тогда только дикая лопь жила, рыбу ловила, била зверя. А хлеб не ростили... На моря глянешь — а из волны зверь на тебя зрит, ой!» (158).

Кереть при этом в повести изображена как пространство, максимально открытое миру:

«А как построили в нашей Керети большие казенные хлебные амбары, стало наше село славно далеко — и у карел в залесьи, и еще дальше в северной Финляндии: оттуда в старину приезжали за

¹¹ Северные предания. С. 86.

¹² Там же. С. 45.

¹³ Там же. С. 31.

хлебом. А провозили хлебушко в Кереть на шхунах из Архангельска» (158).

С этнографической точностью Пулькин воспроизводит в повести быт Керети, не связанный прямо с биографией Матвея Коргуева, но дающий детальную картину Керети начала XX в.:

«Вот, бывало, вспоминала соседка наша, Нина Яковлевна Федотова: “Меня из карельского суземья мама в берестяном кошеле принесла; я у нее за спиной в маленьких сапожках сидела. Принесли и у порожка поставили. Гляжу — дом порато чист, и — двери стеклянные! Краска на полу такая желтая, яркая. Я на четвереньки пала, пол языком-то и лизнула!” Это она дом Сергея Ивановича Коргуева вспоминала, нашего однофамильца. Он, бывало, и в будни чай с лимоном пил из синего норвежского чайника!» (159).

Норвежский чайник — неслучайная деталь. С древности Кереть, как и другие поморские селения, была перекрестком культур.

От глобальной картины повествование при этом регулярно возвращается назад к точным местным зарисовкам. Так, подробно воспроизводится в «Доброй поветери» топография Керети и ее окрестностей:

«Все деревни нашего села — и Низовье, и Верховье — тесовыми мостками вымощены» (159); «Отстоялись они от нас далеко, на Шараповском маяке, — это сорок километров от Керети» (161); «Пошли вдоль Прямого берега. Здесь у всякой луды — по промысловой избенке, вплоть до Кривого берега, что излучьем идет к Умбе» (179) и т. д.

Как было сказано ранее, события, изложенные в предании, изображаются в конкретных бытовом, историческом и локальном планах. Так, стояние английской флотилии на беломорском рейде (факт, установленный соответственно историческим реалиям) сопровождается бдениями керетских поморов, схоронивших под карбасами пулеметы — орудия борьбы с внешним врагом.

В исторических преданиях северного края события Крымской кампании, а именно — нападения англичан, разоряющих приморские поселения и дающих залпы по укреплениям Соловецкого монастыря, — нашли свое отражение («Чайки Соловки от англичанки спасли. Они англичанку-ту заср<...>»; «Английские корабли к Соловкам подходили — их чайки прогнали:

закапустили и паруса, и палубу, вот как опозорили!»¹⁴). Приведенные фрагменты текстов преданий записаны автором повести В. И. Пулькиным в 1971 г. Мотив нападения английских кораблей на крепости Соловецкого монастыря, усвоенный в позднейшем пласту народной несказочной прозы, стал традиционным.

Легший в основу сюжета преданий и пересказанный автором «Доброй поветери» действительный эпизод имел место в 1854 г. Память стариков сохранила сведения о Крымской кампании, а историческая ситуация (события иностранной интервенции 1917–1922 гг.) послужила поводом к реминисценции. Морские птицы, напуганные грохотом боевых залпов, «все аглицки корабли сверху будто известкой полили. Увалились тогда англичана за оком, их долго не было с пушками...» (161). Причем указанный эпизод повести носит очевидно анекдотический характер.

Из местного фольклорного материала в повествование вошли, кроме сказок Коргуева и исторических преданий, песни, приговья и поговорки. Важно, что все отмеченное среди местного материала: быт, ландшафт, язык, легенды местности, фольклор, топография, история — в контексте повести воспринимается как способ фиксации и передачи определенной системы ценностей. Ее воплощением в повести Пулькина становятся Матвей Коргуев и его семья. Например, слово «добрый» — одно из самых частотных в повести. Доброта как главное личное качество Коргуева много раз подчеркнута в повествовании дочери об отце. Лейтмотив повести о поморском селе — «добрая поветерь», вынесенный помимо прочего в заглавие и означающий буквально попутный, нужный ветер, в этом контексте реэтимологизируется, возвращается к значению эпитета «добрый» как «хороший, не злой, ласковый». Лексема «добро» вынесена в сильные позиции текста — заглавие и финал. Заканчивается повесть дочерней эпитафией на могиле Коргуева в Керети: «Отцу за доброту, за ласку, за волшебную сказку» (238). Интересно, что в повести надпись передана не совсем точно, точный текст эпитафии: «Вечная память отцу *за добро да* за ласку, за волшебную сказку». Сложно сказать, была ли трансформация более широкой в своих значениях лексемы «добро» в связанную с личными человеческими качествами

¹⁴ Северные предания. С. 25, 90.

«доброту» сознательным приемом автора. Здесь могла иметь место ошибка памяти. Но это внимание к личным качествам героя в итоге стало для повести концептуальным, поскольку последовательно прослеживается от начала и до конца повествования.

Genius loci у Пулькина — это голос самого места, фиксирующий его уникальность, его особенную топографию и историю. Уникальность Керети в повести важной и различимой становится не сама по себе, а в общей широкой картине Русского Севера. Хронотоп повести не локализован исключительно во времени и месте жизни Коргуева, а широко развернут как в своих пространственных координатах (от Мурмана до Ленинграда и Москвы), так и во временных — от «досюльных» времен поморских и карельских предков Коргуева до появления его ленинградских правнуков. «Дух места» здесь обладает достаточной силой, чтобы не потеряться на фоне мощных влияний. Сами эти влияния осваиваются и усваиваются, формируя баланс глобального и локального. При этом ядро повествования остается очень четким — это Русский Север и жизнь нескольких поколений, память о которых сохранялась в период написания повести. Ср. у Анциферова: *«...только в сочетании постоянных наблюдений местного жителя с впечатлениями приезжего можно вскрыть целокупный образ своего края. При этом в основе его построения должны лежать продуманные и проверенные итоги местных людей, сросшихся со своим краем»* [Анциферов, 2013: 76].

Помимо нарративной формы исторического предания, повесть В. И. Пулькина составляют фрагменты, как нам кажется, изоморфные традиционной форме сказа. В классификаторе В. Я. Проппа сказом назван род «рассказов “о необычайных встречах или необычайных событиях”» [Пропп: 52]. Рассуждая о составе фольклорных жанров, их дифференцирующих признаках и характерных составляющих, В. Я. Пропп в числе прочего назвал присущий сказу «признак художественности» (вместе с тем сказы невариативны, в отличие от некоторых других фольклорных жанров, и широко не распространяются в народном хождении), а также ценность сказов как источников фактического материала [Пропп: 52]. Быть может, особой мелодической интонации писатель достигает

как раз посредством стилистического уподобления сказовой манере повествования, имитируя устный былинный, сказочный рассказ. На уровне лексики сказовая специфика эксплицируется в употреблении архаичных и просторечных форм:

«По тихой воде, по прозрачному воздуху несет нашу песню далеко-далеко...» (152); *«Наша Кереть в море смотрит — не на-смотрится; от каждого дома под горку тропка, что ручей»* (159); *«В старину-то, сказывают, мазали деды-прадеды мачты на карбасах, елах, шняхях коровьим маслом: старопрежние люди!.. <...> Станут на воду хлеб спускать, усердно, просительно вы-свистывать-свистеть, просить у Севера поветери — добро-го спопутного ветра...»* (152); *«Едем по лесу, едем морем. Снеги горят! Стало солнышко укладываться к карелам в суземье-залесье, а мы все катим ему вослед по зимнику. <...> Вечерняя зоря красным-красна, и снеги красные, неоглядные, и ленты на дугах алые, и флаг...»* (204–205) (курсив наш. — Н. Ш., А. Л.).

Таким образом, «Добрая поветерь» Виктора Пулькина это своего рода художественное исследование духа местности Керети, проявившего себя в уникальном таланте Матвея Коргуева. И одновременно — авторская интерпретация этого таланта: Виктор Пулькин изучает и фиксирует легенды местности, воспоминания местных жителей, но он же вносит изменения, пересказывает по-своему даже то, что известно и зафиксировано (тексты сказок Коргуева, надпись на могиле сказочника). Создавая картину жизни сказителя, Пулькин вводит в текст историю (большую — как историю страны, и малую — семейную), язык, топографию. В образе Коргуева подчеркнуты его уникальные творческие способности, личные качества. Но подлинным центром повествования становятся надличностные ценности традиционной севернорусской культуры, из которых рождаются личные качества лучших из северян — чувство собственного достоинства, стоицизм, юмор, доброта, желание помогать.

Принадлежа к следующему поколению, Виктор Пулькин уже не запоминал, он записывал рассказы своих героев, оформляя впоследствии полевые записи литературно, но стараясь при этом сохранить стиль и интонацию живой речи. Лучше всего к этой авторской стратегии приложимы слова Н. Я. Берковского из его

лекции о творческом наследии братьев Grimm: «Это подлинные сказки, сделанные по подлинным записям. Гриммы усердно собирали, записывали их. Но это не есть сказки в сыром виде. Они обработаны. И все чудо в том, как они обработаны. Это сделано необычайно деликатно, очень близко к духу, стилю, складу подлинника. В обработках нет никакой отсебятины. Это соединение науки и художественности» [Берковский: 64]. В этом его манера, по справедливому утверждению Ю. И. Дюжева, близка к творческим поискам Бориса Шергина, Степана Писахова, Павла Бажова, совершивших каждый по своему шаг от фольклора к литературе, искавших единения начала коллективного, фольклорного и личного, авторского [Дюжев: 211]. Для Карелии, как кажется, литературное наследие Виктора Пулькина близко к тому значению, которое имеет литературное наследие Бажова для Урала, Шергина и Писахова — для Архангельской области. Не случайно именно Бажова в качестве *genius loci* Урала Пулькин вспоминает в предисловии к «Подаренью», раскрывая концепцию собственной книги как исследование своей малой родины и ее уникальности на фоне многообразного большого мира и попутно очерчивая масштабы своих странствий:

«Будучи на Урале на думной и Азов-горе, помнящих Павла Бажова, на берегу Братского моря, переступая порог башни, где некогда пылал неукротимый дух протопыпа Аввакума, в ненецком чуме или в тени баньяна, сидя в кругу вьетнамских друзей, — всегда были со мной родные края, везде слышал раскат санных полозьев по льду и слова идущего от сердца напутствия» (7).

Поэтика «Доброй поветери» органически родственна фольклорной словесной традиции, знатоком, собирателем и хранителем которой был В. И. Пулькин. Авторское начало в повести реализуется в отборе художественного материала, композиционном решении, в самой организации нарратива. Интенция памяти, лежащая в основании как предания, так и сказа, легенды роднит жанры народной несказочной прозы, долженствующие не только разъяснить, но, прежде всего, сохранить, передать сведения о временах «досюльных», о были временах минувших. Она же — интенция памяти — определяет пафос повести В. И. Пулькина, синкретически сочетающей жанровые черты сказа, предания и волшебной сказки.

Список литературы

1. Анциферов Н. П. Душа Петербурга. Пб.: Брокгауз-Ефрон, 1922. 228 с.
2. Анциферов Н. П. Беллетристика-краеведы (Вопрос о связи краеведения с художественной литературой) // М. И. Смирнов и М. М. Пришвин в Переславле-Залесском (1925–1926). Сергиев Посад: Все для Вас Сергиев Посад, 2013. С. 72–93.
3. Берковский Н. Статьи и лекции по зарубежной литературе. СПб.: Азбука-классика, 2002. 480 с.
4. Вайль П. Гений места. М.: Изд-во «Независимая газета», 1999. 484 с.
5. Дюжев Ю. И. На грани литературы и фольклора (о прозе В. И. Пулькина) // Межкультурные взаимодействия в полиэтничном пространстве пограничного региона: сб. мат-лов Междунар. научн. конф. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2005. С. 206–211.
6. Замятин Д. Н. Гений и место: ускользящая со-в-местность // Общественные науки и современность. 2013. № 5. С. 154–165.
7. Захаров В. Н. Идея этнопоэтики в современных исследованиях // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 3. С. 7–19 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1593805089.pdf (20.04.2022). DOI: 10.15393/j9.art.2020.8382
8. Криничная Н. А. Русская народная историческая проза: вопросы генезиса и структуры. Л.: Наука, 1987. 227 с.
9. [Криничная Н. А.] Предания Русского Севера: [исслед. и тексты] / АН СССР, Карел. фил., Ин-т яз., лит. и истории. СПб.: Наука, 1991. 328 с.
10. Криничная Н. А. Крестьянин и природная среда в свете мифологии: былички, бывальщины и поверья Русского Севера. М.: Университет Дмитрия Пожарского: Русский фонд содействия образованию и науке, 2011. 623 с.
11. Криничная Н., Пулькин В. Слова преданий — летопись живая // Север. 1977. № 8. С. 86–94.
12. Неёлов Е. М. Сказка. Фантастика. Современность. Петрозаводск: Карелия, 1987. 126 с.
13. Петров А. М. Фольклорно-литературные связи в творчестве Виктора Пулькина (на материале рассказа «Лазоревый камзол») // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 5. С. 100–107.
14. Пропп В. Я. Фольклор и действительность: избр. ст. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1976. 326 с.
15. Сенькина Т. И. Забытые и неизвестные страницы истории фольклористики Карелии: очерки и материалы. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2012. 218 с.
16. Федоров М. Л. «Легенда» в трудах А. А. Ухтомского и Н. П. Анциферова: к содержанию понятия // Мир русского слова. 2015. № 3. С. 63–67.
17. Шилова Н. Л. Фольклорная фантастика в «Кижских рассказах» Виктора Пулькина // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск, 2016. Вып. 4. С. 247–261 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1482760511.pdf (20.04.2022). DOI: 10.15393/j9.art.2016.3581
18. *Genius loci* в литературе, искусстве, культуре: сб. науч. ст. СПб.: Свое издательство, 2018. 240 с.

References

1. Antsiferov N. P. *Dusha Peterburga* [*Soul of Petersburg*]. Petersburg, Brokgauz-Efron Publ., 1922. 228 p. (In Russ.)
2. Antsiferov N. P. Fictional Writers-Local Historians (The Question of the Connection of Local History with Fiction). In: *M. I. Smirnov i M. M. Prishvin v Pereslavle-Zalesskom (1925–1926)* [*M. I. Smirnov and M. M. Prishvin in Pereslavl-Zalessky (1925–1926)*]. Sergiev Posad, “Vse dlya Vas Sergiev Posad” Publ., 2013. pp. 72–93. (In Russ.)
3. Berkovskiy N. *Stat’i i leksii po zarubezhnoy literature* [*Articles and Lectures on Foreign Literature*]. St. Petersburg, Azbuka-klassika Publ., 2002. 480 p. (In Russ.)
4. Vail P. *Geniy mesta* [*The Genius of Place*]. Moscow, Nezavisimaya gazeta Publ., 1999. 484 p. (In Russ.)
5. Dyuzhev Yu. I. On the Border Between Literature and Folklore (on the Prose of V. I. Pul’kin). In: *Mezhkul’turnye vzaimodeystviya v polietnichnom prostranstve pogranichnogo regiona: sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [*Intercultural Interactions in the Polyethnic Space of the Border Region: Collection of Materials of the International Scientific Conference*]. Petrozavodsk, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences Publ., 2005. pp. 206–211. (In Russ.)
6. Zamyatin D. N. Genius and Place: Elusive Compatibility. In: *Obshchestvennyye nauki i sovremennost’* [*Social Sciences and Contemporary World*], 2013, no. 5. pp. 154–165. (In Russ.)
7. Zakharov V. N. The Idea of Ethnopoetics in Contemporary Research. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*], 2020, vol. 18, no. 3, pp. 7–19. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1593805089.pdf (accessed on April 20, 2022). DOI: 10.15393/j9.art.2020.8382. (In Russ.)
8. Krinichnaya N. A. *Russkaya narodnaya istoricheskaya proza: voprosy genezisa i struktury* [*Russian Folk Historical Prose: Issues of Genesis and Structure*]. Leningrad, Nauka Publ., 1987. 227 p. (In Russ.)
9. Krinichnaya N. A. *Predaniya Russkogo Severa* [*Legends of the Russian North*]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1991. 328 p. (In Russ.)
10. Krinichnaya N. A. *Krest’yanin i prirodnyaya sreda v svete mifologii: bylichki, byval’shchiny i pover’ya Russkogo Severa* [*Peasant and Natural Environment in the Light of Mythology: True Stories (Bylichki, Byvalshchiny) and Beliefs of the Russian North*]. Moscow, Dmitry Pozharsky University Publ., Russkiy fond soedystviya obrazovaniyu i nauke Publ., 2011. 623 p. (In Russ.)
11. Krinichnaya N. A., Pul’kin V. The Words of Legends Are a Living Chronicle. In: *Sever*, 1977, no. 8, pp. 86–94. (In Russ.)
12. Neelov E. M. *Skazka. Fantastika. Sovremennost’* [*Fairy Tale. Science Fiction. Modernity*]. Petrozavodsk, Kareliya Publ., 1987. 126 p. (In Russ.)
13. Petrov A. M. Folklore and Literary Connections in the Works of Viktor Pul’kin (Based on the Novel “The Azure Jacket”). In: *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [*Proceedings of Petrozavodsk State University*], 2020, vol. 42, no. 5, pp. 100–107. (In Russ.)

14. Propp V. Ya. *Fol'klor i deystvitel'nost'* [Folklore and Reality]. Moscow, Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury izdatel'stva Nauka Publ., 1998. 326 p. (In Russ.)
15. Sen'kina T. I. *Zabytye i neizvestnye stranitsy istorii fol'kloristiki Karelii: ocherki i materialy* [Forgotten and Unknown Pages of the History of Folklore of Karelia. Essays and Materials]. Petrozavodsk, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences Publ., 2012. 218 p. (In Russ.)
16. Fedorov M. L. "A Legend" in A. A. Ukhtomsky and N. P. Antsiferov's Papers: on the Meaning of the Concept. In: *Mir russkogo slova* [The World of Russian Word], 2015, no. 3, pp. 63–67. (In Russ.)
17. Shilova N. L. Folk Fiction in "The Kizhi Stories" by Victor Pul'kin. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2016, issue 4, pp. 247–261. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1482760511.pdf (accessed on April 20, 2022). DOI: 10.15393/j9.art.2016.3581 (In Russ.)
18. *Genius loci v literature, iskusstve, kul'ture* [Genius Loci in Literature, Art, Culture]. St. Petersburg, Svoe izdatel'stvo Publ., 2018. 240 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Шилова Наталья Леонидовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии, русской литературы и журналистики, Петрозаводский государственный университет (г. Петрозаводск, Республика Карелия, Российская Федерация, 185910); ORCID: 0000-0001-8818-8535; e-mail: natalia.l.shilova@gmail.com.

Natalia L. Shilova, PhD, Associate Professor of the Department of Classical Literature, Russian Literature and Journalism, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Republic of Karelia, 185910, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-8818-8535; e-mail: natalia.l.shilova@gmail.com.

Лисков Арсений Олегович, студент 4 курса кафедры классической филологии, русской литературы и журналистики, Петрозаводский государственный университет (г. Петрозаводск, Республика Карелия, Российская Федерация, 185910); ORCID: 0000-0003-1600-0657; e-mail: liskov2000@bk.ru.

Arseniy O. Liskov, fourth-year student of the Department of Classical Literature, Russian Literature and Journalism, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Republic of Karelia, 185910, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-1600-0657; e-mail: liskov2000@bk.ru.

Поступила в редакцию / Received 30.04.2022

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 15.07.2022

Принята к публикации / Accepted 16.08.2022

Дата публикации / Date of publication 12.09.2022